

Глава 24

За окном трое парней, сбившись в кучку, аккуратно сложили расписку и бережно убрали её в карман.

Линь Цзао же, не обращая на это внимания, взял свою копию и поднёс её к лицу Линь Сяобао.

— Сяобао?

— М-м...

Линь Сяобао всё ещё переживал из-за того, что он, будучи неграмотным, не мог подписывать документы вместе со взрослыми.

Он прислонился к отцу, обнял его за ноги и всем своим видом выражал вселенскую скорбь.

Но, услышав голос папы, он вяло поднял голову:

— Что...

Не успел он договорить, как перед его глазами появился знакомый лист бумаги.

— Ух ты!

Глаза Линь Сяобао вспыхнули, и он тут же выпрямился.

— Папа, ты отдаёшь эту бумагу мне?

— Да, отдаю тебе на хранение.

Линь Цзао поднёс расписку поближе и, прокашлявшись, торжественно произнёс:

— Именем Неба и волей отца повелеваю...

— Сяобао принимает указ!

Линь Сяобао поднял обе ручки:

— Принимаю! Принимаю бумагу!

— Храни её хорошо, — напутствовал Линь Цзао. — Не рисуй на ней и не порви.

— Не волнуйся! — уверенно заявил Линь Сяобао. — Задание будет выполнено!

Он взял бумагу за уголки и осторожно принял её из рук отца.

Это же бумага, которую передавали друг другу взрослые, она наверняка очень ценная и важная!

Надо посмотреть...

Линь Сяобао с восторгом уставился на лист.

Хм...

Там были только буквы, и ни одной картинки!

Какие же взрослые скучные, только пишут и пишут, а не рисуют.

Он ничего не понимал, кроме имени папы.

Ну и ладно, всё равно это что-то очень важное.

Папа доверил ему такое ответственное задание, и он не подведёт!

Линь Сяобао нахмурился и попытался сложить лист.

Но два других уголка болтались в воздухе, и он никак не мог их поймать.

Он не умел складывать бумагу на весу, только на столе.

Линь Сяобао развернулся, спрыгнул со скамейки и побежал прочь.

— Папа, дедушка Чжан, Рыжий-гэ, Желтоволосый-гэ, Зеленоволосый-гэ, я пойду сложу эту бумагу и уберу в свою сумочку!

— Хорошо! — крикнул в ответ Линь Цзао.

Он обернулся к четверым за окном и улыбнулся.

Иногда успокоить ребёнка так просто!

Линь Цзао подумал и спросил:

— Так когда вы трое собираетесь в путь?

Он просидел дома почти месяц и давно не разговаривал с посторонними.

Чэн-гэ только мычал, а Сяобао был ещё слишком мал, и хотя его детский лепет был милым, этого было недостаточно.

Трое парней, очнувшись, наперебой заговорили:

— Наверное, через пару дней.

— Чем дольше тянуть, тем хуже будет снаружи, и еды останется меньше.

— Мы денёк отдохнём, наберёмся сил и поедим.

— Я тоже так думаю, — кивнул Линь Цзао и добавил: — Когда поедете, оденьтесь потеплее. И сухой паёк приготовьте, снаружи такой хаос, за один день можете не вернуться.

— А вы трое, готовить-то умеете? — спросил дедушка Чжан.

Парни смущённо почесали в затылках:

— Немного, можем еду сварить.

Тогда Линь Цзао и дедушка Чжан принялись учить их готовить сухой паёк.

— В той же кастрюле, в которой вы варите лапшу, налейте побольше воды и сварите рис. Ничего страшного, если воды будет много, главное, чтобы сварился.

— Когда рис сварится, слейте воду, вытрите кастрюлю, налейте немного масла. В рис добавьте соль, скатайте шарики и медленно обжаривайте их на сковороде.

— В итоге у вас получатся сухие и хрустящие рисовые лепёшки.

— Посыпьте их тмином, перцем... кстати, у вас же есть лапша? Можно посыпать приправой из

пакетиков.

— Такие лепёшки можно носить с собой, и вам не придётся разводить огонь, чтобы поесть.

Линь Цзао подробно, шаг за шагом, объяснял им, как готовить рисовые лепёшки.

А трое парней с другой стороны окна, сбившись в кучку, с трудом записывали на бумажке.

— «Кастрюля»... как пишется «кастрюля»?

— Дай сюда, я напишу! Ох... я тоже не знаю...

— Так напиши латиницей!

— Я и латиницу не знаю.

— А как же ты тогда со своей девушкой в интернете переписываешься?

— Да так, наобум.

— И у тебя с таким подходом есть девушка?

— Ай! Не шумите! Линь-гэ, помедленнее, пожалуйста!

В конце концов, дедушка Чжан не выдержал, забрал у них бумагу и ручку и написал слово «кастрюля».

Линь Цзао искренне и открыто делился с ними всем, что знал и о чём мог подумать.

А дедушка Чжан относился к ним как к детям, видя, что они ничего не умеют, но собираются в опасный путь, он одновременно и беспокоился, и вздыхал.

— Сухой паёк не кладите в одно место и не оставляйте в машине, пусть у каждого будет понемногу. Если разделитесь или кто-то потеряет еду, будет не так тяжело.

— Одевайтесь теплее, чтобы не простудиться. И если встретите тех тварей, одежда послужит защитой. А эти ваши узкие штаны больше не носите, наденьте несколько пар обычных.

— У вас там ничего нет, так что возьмите с собой всё, что может пригодиться: кастрюли,

миски, полотенца, одеяла.

— И за бензином следите, если закончится, ищите, где заправиться.

Старик говорил без умолку, его наставлениям не было конца.

Но трое парней не раздражались, а стояли в ряд, послушно слушая и время от времени кивая.

— Хорошо, дедушка, мы всё запомнили.

Они проговорили почти час.

Время шло, и троим парням нужно было идти готовиться.

Перед уходом они подошли к дедушке Чжану и, раскрыв руки, хотели его обнять.

Но, подняв руки, они тут же их опускали, и так несколько раз.

В конце концов, так и не решившись, они просто похлопали старика по плечу.

— Спасибо, дедушка Чжан!

Затем они повернулись к Линь Цзао и сложили руки в приветственном жесте.

— Спасибо, Линь-гэ!

Это и называется братство!

Они взвалили на плечи конфискованную вчера муку и взяли уже разделённый дедушкой Чжаном рис.

— Линь-гэ, муку мы оставим у вашей задней двери, вы потом заберёте. А рис мы остальным разнесём.

— Хорошо.

Трое парней в последний раз помахали Линь Цзао и дедушке Чжану и, взвалив на себя ношу, ушли через заднюю дверь.

Линь Цзао попрощался с дедушкой Чжаном и закрыл окно.

Он подождал немного, и когда снаружи всё стихло, открыл заднюю дверь и занёс муку.

Десять фунтов муки — не так уж мало, но и не так уж много.

Линь Цзао посмотрел на срок годности, убедился, что он ещё не скоро истечёт, и решил пока не вскрывать мешок.

Пусть полежит, а когда захочется пельменей или булочек, тогда и приготовит.

Линь Цзао, обняв мешок с мукой, пошёл наверх.

— Сяобао, ты где? Помоги папе.

— Я здесь!

Линь Сяобао высунул голову между перилами лестницы.

Ваш Сяобао внезапно появился!

Линь Сяобао сбежал вниз и, подняв ручки, помог отцу поднять мешок.

— Я здесь!

— Ух ты, Сяобао — силач.

— Конечно!

Отец и сын, обняв мешок с мукой, пошли наверх.

Тем временем в кладовке.

Фу Чэн, прислонившись к железной двери, всё ещё держал в руках миску с кашей, которую ему принёс Линь Цзао.

Каши осталось довольно много. Не потому что Сяо Цзао налил ему много, а потому что он съел всего пару ложек.

Ему нравилось слушать, как говорит Сяо Цзао, как он общается с другими.

Хотя он не всё разбирал и не всё понимал, ему просто нравилось.

Нравился тихий и нежный голос Сяо Цзао, похожий на весенний ветерок.

Когда Сяо Цзао разговаривал с соседями, у него зачесались руки.

Ему хотелось выйти, принести Сяо Цзао стул, чтобы он сидел, а не стоял, помассировать ему ноги и плечи, налить воды, нарезать фруктов.

Но он не умел открывать дверь.

Смотря на Сяо Цзао, казалось, что это так просто: нажать на ручку, и всё.

Силы у него было много, но руки были слишком неуклюжими, и он никак не мог ухватиться за ручку.

Поэтому он, обняв миску, сел за дверью и стал подслушивать.

Слушая, он так увлёкся, что забыл про еду.

Линь Цзао и Линь Сяобао поднялись наверх.

Линь Цзао подогрел оставшуюся половину миски каши и отдал сыну.

А сам, надев фартук, принялся готовить ужин.

Сегодня они все проспали, и было уже больше трёх часов дня.

Линь Цзао открыл морозилку, порылся в ней и нашёл пакет со свиным хребтом.

Свиной хребет, на нём было немного мяса, идеально подходил для бульона.

Пакет был большой, и кости в нём уже были порублены Фу Чэном на мелкие куски.

Линь Цзао взял примерно половину, положил в миску и залил холодной водой для разморозки.

К свиному хребту нужно было что-то добавить, и Линь Цзао открыл ящик с сушёными продуктами и достал пакетик кордицепса.

Это был кордицепс, а не гусеничный гриб, на такое у них денег не было.

Оранжевые, похожие на тонкие золотистые иголки.

Для супа — питательно и вкусно, как раз то, что нужно раненому Фу Чэну.

Линь Цзао взял горсть, положил в миску, залил водой и стал перебирать, выбрасывая испорченные.

Свиной хребет размораживался, кордицепс замачивался.

Линь Цзао достал из холодильника свиное сердце и свиную голову, которые они так и не успели съесть.

Маринованные продукты и маринад хранились вместе, и маринад застыл, став твёрдым.

Разогреть, нарезать, выложить на тарелку — и мясное блюдо на ужин готово.

У них было две плиты: газовая и индукционная.

Обычно они использовали их поочередно: на одной жарили, на другой варили.

Так Линь Цзао и делал раньше.

Но после начала эпидемии, однажды ночью ему пришло в голову, что если так пойдёт и дальше, то однажды у них отключат электричество.

Поэтому с того дня он плотно перекрыл газовый вентиль и больше им не пользовался.

Кроме того раза, когда он опаливал свиную щетину, но это было всего на пару минут.

Теперь он готовил в рисоварке, а жарил и варил на индукционной плите.

Хотя это было не очень удобно, он всё же надеялся, что электричество продержится подольше.

Линь Цзао вскипятил воду, положил туда размороженный свиной хребет и проварил, чтобы

убрать запах.

Через пять минут он вынул кости и промыл их.

Затем налил чистую воду и снова положил кости вариться.

Час варить, чтобы выварился костный мозг, затем добавить кордицепс и варить ещё час.

Варка супа требовала много времени и электричества, и если бы не для того, чтобы подкрепить Фу Чэна, Линь Цзао поленился бы это делать.

Суп варился, свиная голова разогревалась.

Линь Цзао, подперев голову рукой, сидел за столом и ждал.

Линь Сяобао, обняв свои мелки и календарь, подошёл к нему.

— Папа.

— М? — Линь Цзао очнулся и посмотрел на него. — Сегодняшний салат нарисовал?

— Нарисовал! — Линь Сяобао показал ему календарь. — Оказывается, салат и вправду пьёт воду, вчерашней воды стало меньше.

— Да, — улыбнулся Линь Цзао. — Поэтому мы будем продолжать, посмотрим, сможем ли мы дорисовать до того, как у салата появятся новые листья.

— Угу, — кивнул Линь Сяобао и снова позвал: — Папа...

— Что ещё? — Линь Цзао ущипнул его за щёку. — С папой не нужно стесняться.

Линь Сяобао поднял руку:

— Папа, научи меня писать!

— Что ты хочешь написать? — Линь Цзао, прищурившись, всё понял. — Своё имя?

— Угу, — энергично закивал Линь Сяобао. — Я хочу научиться писать своё имя, чтобы подписывать документы вместе с вами!

— Хорошо, папа научит тебя.

Линь Цзао встал, поднял Линь Сяобао и усадил его в детский стульчик.

— Сначала сядь ровно, приготовься.

Линь Сяобао выпрямился:

— Я готов!

Скоро ужин, а Сяобао так торопился, что Линь Цзао не стал учить его основам каллиграфии.

Он просто взял чёрный мелок и на чистой странице календаря написал два иероглифа: «Сяобао».

— Это твоё имя. Папа напишет, как правильно вести кисть, а ты смотри внимательно и потом повтори.

— Хорошо!

Линь Сяобао, не отрываясь, следил за рукой отца.

Но, не посмотрев и минуты, он нетерпеливо заёрзал.

— Папа, я уже научился, это так просто! Дай мне попробовать!

— Хорошо, держи.

Линь Цзао отдал ему мелок, пошёл на кухню, вымыл руки, поднял крышку и заглянул в кастрюлю.

Свиная голова разогрелась, можно было вынимать, иначе разварится.

Бульон от кордицепса стал золотистым, и стоило только поднять крышку, как по кухне распространился аромат.

Добавить соль и варить ещё несколько минут.

Линь Цзао закрыл крышку, достал уже разобрannую на листья капусту и стал её резать.

Мясо есть, суп есть, осталось приготовить овощи.

Линь Сяобао сидел за его спиной и, держа в руке мелок, выводил иероглифы.

— Сяо... сяо... сяо...

Линь Сяобао написал иероглиф «сяо» три раза и, подняв руку, радостно закричал:

— Папа, посмотри, что я написал.

— Ты пока оставь на той странице, папа сейчас посмотрит.

— Ладно, — Линь Сяобао повертел головой.

Слева, справа, сверху, снизу — он со всех сторон любовался своим творением.

Его иероглифы были точь-в-точь как у папы.

Писать так просто!

Такие простые иероглифы, а папа только сейчас его научил, недооценивал его.

Линь Сяобао, преисполненный уверенности, сжал мелок и принялся за следующий иероглиф.

— Бао... бао...

Почему?

Линь Сяобао недоверчиво расширил глаза.

Почему иероглиф «бао» такой сложный?

Почему он намного сложнее, чем «сяо»?

Почему он такой странный?

Линь Сяобао, держа в руке мелок, дрожащей рукой пытался писать.

Ладно, сегодня он выучит «сяо», а «бао» — завтра!

Папа часто говорил, что нельзя съесть слона целиком.

Поэтому сегодня он напишет самый простой иероглиф «сяо» сто раз!

Линь Сяобао, приняв решение, склонился над столом и принялся усердно писать.

Вскоре Линь Цзао поставил на стол нарезанную свиную голову и жареную капусту.

— Сяобао, ты так долго писал, отдохни, помой руки и садись есть.

Линь Сяобао поднял обеими руками календарь и поднёс его к отцу.

— Папа, посмотри, что я написал!

— Хорошо, посмотрим.

Линь Цзао вытер руки о фартук и присмотрелся.

— Э-э... это...

На странице календаря рядами шли чёрные иероглифы. Сначала они были размером с ладонь Линь Сяобао, потом — с его ноготь, а в конце превратились в маленькие чёрные точки.

Как муравьи, выстроившиеся в ряд.

— Сяобао, можешь сказать папе, почему ты стал писать всё меньше и меньше?

— Потому что это иероглиф «сяо» (маленький)! — с гордостью заявил Линь Сяобао.

Иероглиф «сяо» нужно писать маленьким!

Такой простой вопрос, а папа ещё спрашивает!

— А если писать иероглиф «да» (большой)? — спросил Линь Цзао.

Линь Сяобао развёл руки:

— Тогда нужно писать большим!

— А «хэй» (чёрный)?

— Чёрным мелком.

— А «бай» (белый)?

— Белым мелком.

— Но белый мелок на белой бумаге не видно.

— Сначала нужно закрасить белую бумагу чёрным!

Линь Сяобао вздохнул, какой же папа глупый, даже этого не понимает.

— Ладно, — Линь Цзао, сдерживая смех, кивнул. — Очень логично. Это очень стильная работа, нужно её сохранить.

— Конечно.

— Иди мой руки и помоги папе накрыть на стол.

— Слушаюсь! — ответил Линь Сяобао, подражая официантам из телевизора.

<http://bllate.org/book/16977/1585979>